

Михаил Немцев,

социальный антрополог, литератор,
редактор темы номера «60 параллели»,
Новосибирск,
nemtsev.m@gmail.com,
mnemtsev.livejournal.com

Целью моей встречи с Олегом Генисаретским было интервью о «родовом» как форме отношений с прошлым. Но наша беседа чуть было не превратилась в нечто вроде философского семинара... При подготовке текста к публикации пришлось вернуть его жанру «разговоров запросто», удалив промежуточные реплики, уточнения понятий и отклонения в сторону.

Беседа состоялась в Москве в бывшем селе Всехсвятское (ныне район станции метро «Сокол»), в апреле 2010 года.

Михаил Немцев

Олег Генисаретский,

философ, методолог, искусствовед,
профессор государственного университета
«Высшая школа экономики»,
Москва,
procept@gmail.com

«Каждый уже рождён»

Родовое: жизнь, голос, свидетельство

— Олег Игоревич, я предлагаю поговорить о формах существования родовых связей в современном российском обществе.

— Согласен, хотя сам предпочитаю говорить о родовых отношениях, родовом сознании и памяти. Причём как о живых, присутствующих в живом настоящем, «здесь» и «теперь».

— В сознании жителей современной России, по-видимому, довольно часто существует разрыв этих связей на уровне двух-трёх поколений в прошлое. Сильная эмоциональная связь с родителями, также с поколением их родителей, а дальше — потеря интереса и эмоциональной связи. Где-то в середине века прошлого

проходит какая-то черта, и предки ниже этой черты уже не интересны.

— На сужение круга родовых отношений, обеднение словаря родства, несомненно, оказал влияние процесс урбанизации, массовые переселения, оставление, а то и просто разрушение родовых гнёзд. И вот уже нет мест, куда можно возвращаться. А древним слогом выражаясь, блудный сын — окончательно заблудился, стал скитающимся невозвращенцем!

— Первична потеря возможности вернуться? Сначала интерес к возможности восстановления, а потом невозможность его гасит этот интерес?

— Люди жили вместе в поселениях, где родились и выросли, в знакомой с детства, обжитой природной и архитектурной среде, с вплетёнными в неё соседскими и родственными связями... и вынуждены были покинуть свой ближайший жизненный мир. Вместе с ним утрачена и наглядная, чувственно-предметная основа родовой памяти...

— Материальная основа памяти?

—Родовой дом, в доме стены, окна и двери, утварь всяческая, а по выходе во двор сад-огород, ворота, улица, соседские постройки, деревья... К примеру, я жил с 1944 по 1954 гг. в 50 км от Москвы в Ногинске, б. Богородске. Место в прошлом старообрядческое, крепкие, частные домовладения, высокие глухие заборы... И вот прокатился по нему советский «архитектурный гуманизм» 1960-х годов. Частные дома и заборы снесли, построили девятиэтажные, в свободной планировке, а старые деревья и большие кусты остались на своих местах, и по их расположению на местности и по рисунку стволов явственно проступал в памяти город моего отрочества, родных, соседей и друзей, и то, какая жизнь здесь тогда протекала. Память места проявляется видом этих живых существ — деревьев.

— Но родовая связь — это же не пространственная связь?

— Она не пространственна, но всякая связь для сознания материализуется в каких-то знаках. Это — образно-средовая составляющая родовой памяти.

— То есть в XX в. в ходе многих социальных потрясений эта среда была

разрушена, и потому возник разрыв между поколениями?

— В значительной мере это усилило разрыв. Безусловно. Масштабы социальных преобразований были огромны. Ну, скажем, в Тверской губернии из 12 тысяч деревень 11500 были целенаправленно стёрты с лица земли как «неперспективные». Дома сожжены, а земли перепаханы, в том числе дорожная сеть. Во-первых, область потеряла рекреационный ресурс. Во-вторых, разрушена память в виде вот этих, веками протоптанных, накатанных путей.

А ещё когда я в Ногинске, затем в Электростали жил, то во вторую смену учился. Родители с утра уезжали на работу, а вечером, когда я из школы приходил после всех этих общественных нагрузок, они уже спали. И все жизненные циклы были устроены так, что места и времени для предпринятия совместных семейных дел даже не предусматривалось.

— А совместные семейные дела — часть инфраструктуры, о которой Вы говорите?

— Точнее, просто совместное времяпрепровождение. Вроде бы совсем простая вещь, да? Вместе проводить время. Если это село или малый город, то предопределены занятия натуральным хозяйством. Куда вместе? Картошку копать или на базар.

И надо упомянуть ещё один невероятно важный и непосредственно не связанный с родовыми отношениями, но тоже повлиявший на их ослабление фактор. Бабушки и дедушки, если кто их помнит — были людьми, у которых понятия и навыков свободного времени вроде как и не было. С утра и до ночи все непрерывно в работе. Там скотина, тут огород, там печка, надо готовить, что-то зашить...

И вот на XXI съезде КПСС было заявлено, что уже «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Мол, через 20 лет будут полностью удовлетворены все потребности повседневной жизни. И поскольку в магазинах будет много молока, не нужно будет иметь коров в частном хозяйстве. Приусадебные участки пообрезали. А поскольку будут трактора, не нужно иметь лошадей в деревне. Во Владимирской области их просто всех перерубили топорами.

«Каждый уже рождён»

Родовое: жизнь, голос, свидетельство

Цитата из Интернета: «Родовое гнездо — здесь жили мои прапрабабушка, прапрадедушка, прабабушка, прадедушка и бабушка. И четыре года назад какие-то люди жили. Деревня Чинянино, 208 км от Омска.»
Источник: <http://ss208.livejournal.com/44990.html>

А в городах, соответственно, размер кухонь был сокращён до минимума, что бы только разогреть что-нибудь на завтрак или перед сном. Потому что декларировалось, что в 500-метровой доступности от места жительства человеку будут предоставлены все повседневные услуги: от полуфабрикатов и готовой пищи до всяческого бытового ремонта. И вслед за превращением кухни-столовой в закуток из квартир исчезли кладовки. И по сути этот подход исключал из домашней жизни совместную домашнюю занятость, оставляя взамен разве что совместное сидение перед телевизором.

— Следовательно, этот разрыв поколений возникает, когда население урбанизируется, «сползает», оказывается вдруг в индустриальной среде, где происходит рационализация быта?

— Важнее то, что это сервисная среда. Город, понятый и сделанный как среда предоставления услуг, где чуть ли не все потребности горожан удовлетворяются путём уже обращения к какой-то системе обслуживания. Чаще всего вне круга «своих», «родных» и «близких». Ну, а дальше уже ведь — школьники в школе, взрослые на рабочих местах, как правило, в других районах, куда нужно переезжать и откуда возвращаться.

И какая уж тут рациональность, когда час-полтора на работу и час-полтора обратно? Отсюда — атомизация и анонимность городского образа жизни.

— Олег Игоревич, так вот, можно ли, говоря о факторах разрыва поколений, считать одним из них — сознательный или полусознательный отказ от родовых связей со стороны, скажу это в скобках, простых людей. Мне кажется, 1950-1960-е годы — это время массовой потери интереса к продолжению родового звена.

— Хорошо, примем такую версию. Но сколько поколений должно пройти, чтобы такой тип безродного сознания закрепился? Платон считал, что пять. Ну, по меньшей мере два-три. И вот ситуация в Советском Союзе: скопом людей выселяют, и нужно уезжать, или они сами уезжают — сначала учиться, потом по распределению на работу. В новом месте проблема

жилья решается с помощью общежития. Сначала общего, потом семейного типа, а там, глядишь, годам к сорока ты получишь свою кровать как собственное жильё.

Ещё с 1920-х годов в житейский обиход вошли коммуналки. Вот ещё этот советский феномен, да? До того люди преимущественно жили семьями в домах или квартирах. А тогда началось «уплотнение» и «заселение», с ними возник советский коммунальный быт. Недаром сценарий оперетты Шостаковича «Зойкина квартира» пришлось переписывать, когда её ставили в Америке, — за пределами советской ойкумены такой общественный способ организации частной жизни никому не понятен. Сейчас десятки кинофильмов про те времена сняты.

Когда целые поколения, даже не одно и не два, вырастают и живут в коммунальных квартирах, у них радикально трансформируется чувство дома. Представь себя, когда вокруг столько людей, и ты с ними в такой тесной связи, когда происходит борьба за время в ванной комнате по утрам, когда у каждой семьи отдельный выключатель у двери туалета и свои сиденья для унитаза. И не дай Бог кто-то что-то взял чужое!

И как общий социальный эффект всего этого — *поражение в правах повседневности!* Бытие человеческое, низведённое до натужного испрошённого быта, несоместимого с человеческим достоинством. Принуждение жить в отложенном «светлом будущем», вечное «потом», а «не сейчас». Стоит ли удивляться, что на заре Перестройки с экранов телевизоров зазвучало: «Нет-нет-нет, мы хотим сегодня, нет-нет-нет, мы хотим сейчас!»?

А потом, когда начали получать отдельные квартиры, старую мебель просто выбрасывали, в том числе — раритеты дореволюционного и советского быта, славянские шкафы и тумбочки... Происходило очередное перетряхивание быта. И вот в третьем поколении человек выучился в советской школе, где узнал, что «мы новая историческая общность людей», и наш идеал — «социальная однородность», ну а всяким там «пережиткам прошлого», — вроде родовой памяти, «малой родины», «любви к родному пепели-

щу» место осталось разве что на исторической свалке...

— ...**Это как раз шестидесятые годы.**

— Это и были те, кто уже не застал родовых гнёзд, первое поколение советских людей, родившихся и выросших уже в новой советской городской среде. Бабушка могла быть перевезена в город из деревни, она могла что-то рассказывать. Но это ведь получают уже сказки.

— **И тогда история родовых связей восстанавливается через историю трансформации материальной среды, окружения?**

— И так тоже, но не только. Само по себе возвращение в покинутые когда-то родовые места, или приобретение не связанных с ними буквально загородных домов, касается сначала восстановления традиционных видов занятости, из которых может заново — далеко не сразу — прорасти родовое сознание. Существуют и другие инструменты, они представлены в Интернете¹, есть разнообразные периодические издания... Кто таким образом озаботился своим родовым самопознанием, средства для этого найдёт!

Сохраняются также разнообразные исторические свидетельства. Был такой жанр средневековой письменности: синодики, то бишь поминальные книги. Есть монастырские синодики, есть аристократические генеалогии, а сохранилось несколько синодиков за пять-шесть поколений крестьянских. Ну, а как мы знаем, в монастырский синодик зачитывают во время общих трапез; предполагается, что за записанными в синодиках именами, стоят жития или житийные легенды... так что мы тут имеем дело не просто с ритуальной рецитацией имён, но также с практикой родовой памяти сообщества. Примерно тоже самое происходит с передачей личных Помянников «за здоровье и за упокой» на рядовой литургии, когда молитвы за твоих родных и близких произносит священнослужитель, а не сам прихожанин.

Другой очень популярной в своё время практикой родовой памяти была семейная фотография родственников на похоронах у гроба покойного. Когда его из дома

¹ Например, сайт «Всероссийское генеалогическое древо»: <http://www.vgd.ru/>

«Каждый уже рождён»

Родовое: жизнь, голос, свидетельство

Россия. Дагестан.
Жители высокогорного села Анди.
Фото ИТАР-ТАСС

Тема номера

«Каждый уже рождён»

Родовое: жизнь, голос, свидетельство

вынесли, в храм понесли: мы видим на ней венки скорбящих родственников и покойника.

А ещё распространённый поныне жанр свадебной фотографии, и во многих семьях бережно сохраняемые письма и фотографии домашних. Вот только кто-то хранит бумаги, а кто-то не хранит.

— Кто восстанавливает родовую историю и зачем, т.е. что может двигать человеком в этом случае?

— Человек — существо телесное, со всем на свете соотносящееся по масштабу своего тела. И это тело — живое. Оно, как и всё живое, появляется на свет Божий путём своего рождения, свадебного брачевания и, увы, по сию пору смертное.

— Вот я родился. С родителями я связан, но что заставляет проследживать...

— Слово «заставляет» меня как-то смущает. Что значит «заставляет»?

— Мотивирует? Откуда это берётся?

— «Что заставляет?» — это вопрос учёного о причинно-следственной связи и о некоем механизме, который *заставляет*. Если ты будешь копать дальше, придёшь к каким-то воспроизводственным процессам, к цельности и непрерывности прижизненного существования и, наконец, ...к традиции.

Радикальнее других на эту тему высказался написавший свою гуманитарную генеалогию свящ. Павел Флоренский. Он писал о том, что *род свободен и своей судьбой занят сам*. Не только мы свободны по отношению к роду, но и он по отношению к нам. И у него есть своя родовая задача, а именно: выткать внутри себя святого, который затем, — в обратной перспективе времени, — будет молиться о спасении всех в роду.

Можно, конечно, отнестись к этому воззрению как к чисто богословскому, и приняв его к сведению, отложить в сторону. А по мне, так в словах о Павла выражена важная гуманитарно-достоверная мысль: о лично-родовом горизонте человеческого существования, несводимом к мыслительностному, а уж тем более к позитивистскому научно-технологическому горизонтам. Тебе, как философу, больше скажу: лично-родовому горизонту присуща своя особенная рациональность.

Но поскольку наша беседа для журнала всё же не философский семинар, этим и ограничусь. Что касается Флоренского, то в его текстах, особенно в «Философии культа» и «Письмах с Дальнего Востока и Соловков», можно почерпнуть необычайно яркие свидетельства его личностно-родового опыта, мимо которого пройти может только «ленивый и нелюбознательный».

А теперь, возвращаясь к основному руслу разговора, спросим себя: каким путём, из каких источников родовое сознание транслировалось в повседневной культуре? Непременно лицом к лицу, вместе друг с другом, через события общительности в сообществе, т.е. в коммуникативных жанрах, которые сейчас назвали бы этнокультурными или фольклорными. Через систему ритуалов, которыми обустроивалось многое в жизни. И не только важнейшие события рождения, свадьбы-женитьбы, похорон, но чуть ли не весь круг повседневной жизни. Сейчас мы по большей части события родовой общительности изучаем «по текстам», знакомимся с ними по сценическому и радиийным реконструкциям. А когда-то их соучастно пропевали, выплясывали... Точно так же, как люди, воцерковлённые с детства, просто помнят литургический канон наизусть, и им нет нужды его изучать. Ну а тем, кто воцерковляется во взрослом состоянии, либо повезёт пройти добротное оглашение, либо они вынуждены будут изучать, обсуждать, принимать решения и, как мы сейчас, прибегать к рефлексии. Впрочем, это стандартная ситуация в поведении философа, гуманитария по отношению к исчезающим реальностям: в отсутствие живого опыта восполнять его реконструкцией. И по текстам, если к ним относиться как к заведомо осмысленным, семантически насыщенным и лично, — мы многое способны узнать... и многому научиться.

— **И всё-таки: в чём состоит метафизика рода? У Флоренского я не очень различаю, где он говорит как мыслитель, а где создаёт красивую поэтическую метафору.**

— Так ведь символ и метафора — суть традиции *как таковой*. А поэтическая речь метафизически *сильнее* философско-логизированного языка.

Одно из самых сильных моих московских впечатлений последних лет — панихида по Владимиру Библихину. Отпевали его у Николы в Хамовниках, и пришло человек шестьдесят. Ближайшие родственники, друзья, слушатели его лекций, коллеги, в большинстве своём воцерковившиеся за прошедшие 20-30 лет. Поэтому в чём их общий опыт? Ближе к выносу гроба из храма все пели многократное «Со святыми упокой», пока все не подошли и, поцеловав, не попрощались с усопшим. И так минут двадцать, кажется. А как умолкли, в храме повисла какая-то неведомо светлая тишина, таинственная. И теплота соприсутствия.

Произошло духовное событие. Пора бы уже и выносить, а мы всё стояли, не сходя с мест... в чистом виде событие духовного соприсутствия.

Если спросишь, почему оно относится к личностно-родовому горизонту, отвечу: так мы в литургическом предстоянии поименованы «народом Божиим» и «царственным священством», и тем, и другим произанием смиряясь, но не смущаясь!

— **Есть родовое сознание, родовые отношения... А вот как всё это, собственно, словами назвать?**

— А чем тебя слово «род» не устраивает?

— **Слово-то удовлетворяет, но об этом надо же ещё и говорить.**

— Думать? Рассуждать? А что, как не это, мы пытаемся делать с тобою сейчас?

Ну, смотри: человек, семья, поколение и этническая диаспора, народ как целое — сущности разномасштабные, разными способами социализированные, разнящиеся смысло- и энергоёмкостью. Для именованья их «в целом» можно ограничиться словосочетанием с прилагательным «родовые», а можно, вспомнив, что *genos* — это род, назвать их метагендерными, суть дела от этого мало изменится.

— **Мне кажется, что гендерные исследования построены на отрицании родовых отношений.**

— Это с какой же стати? Разве женско-мужские отношения, по крайней мере, иногда, не заканчиваются деторождением? А при предохранении от беременности или

«Каждый уже рождён»

Родовое: жизнь, голос, свидетельство

прерывании её не это ли имеется в виду? Поэтому они так или иначе всё равно родовые — вопрос масштаба.

— **А в больших масштабах цельность рода как проявляется?**

— Как народ, но не в смысле нации, т.е. гражданского сообщества, а в смысле этноса, этнической общности. Кстати, одно из этимологических значений слова «народ» можно почувствовать, сравнив его со словом «надой»: народ — те, кто, народившись, стали народо-населением

(страны, региона, города...). Этим пониманием слов «народ», «народность» мы, кажется, обязаны немецким романтикам.

— **Народ в романтическом смысле — это родственники? Но ведь, Олег Игоревич, в таком народе не может быть конфликтов, это единое целое.**

— Почему не может? «Генос», как мы знаем, имеет тот же корень, как и слово «агон», т.е. соревнование, борьба, даже — война. Корневая, так сказать, семантическая единица у них общая. И это прекрасно знали авторы, исполнители и зрители античных трагедий.

— **Всё-таки род предполагает какое-то такое единство. Мне так кажется, по звуку этого слова. А «семья» — преемственность. И разрыв преемственности её гробит.**

— Если не происходит резкого отрыва детей от слаженного мира родителей, и обеспечено плавное отделение их от себя.

Мы же знаем, что мы смертны, и в этом смысле род — прерывен, это дискретный процесс. Каждый из нас рождается и умирает, а роды движутся вместе со временем, и в этом проявляется ритуальная сторона лично-родового процесса — не без трагизма. Именно в ритуальности сплетается и проявляется дискретное и непрерывное. Сценарии семейно-родственного поведения, — благоприятного или неблагоприятного, — устойчиво транслируются из поколения в поколение. И в семейной терапии считается, что выйти из-под власти их возможно, только если они осознаны. Читайте Эрика Бёрна.

Но в любом случае речь идёт о структуре времени, о хронодинамике и средовом опосредовании, в том числе и в первую очередь о нашей телесной включённости в эту природную среду. Синхронизируются биоритмы, а они и есть природные ритмы. Исходя из самого простого: утро, день, вечер, ночь, и весна, лето, осень, зима (солнечные ритмы), а ещё и лунные ...и пошло-поехало.

— **И следовательно, есть некая связь с природной цикличностью, род существует в природных циклах? И когда некий представитель рода оказывается в городской среде, где эти циклы на него не действуют или действуют ослабленно...**

— Они не могут не действовать! Они действуют, просто немного по-другому. Вот есть известный эксперимент: когда людей полностью изолировали от среды их жизни и предлагали им выбрать длину суток, одни выбирали сутки длиной в 25 часов в среднем, но были и такие, кто выбирал 48 часов. Т.е. из-за городского темпа произошло какое-то перепрограммирование временных расписаний поведения. Когда выбирают «25 часов», значит, одного часа времени нам по жизни не хватает, утрачена естественная цельность, завершённость дня. Что это вдруг? Это результат *принуждения* к городскому образу жизни.

— **И значит, оно как-то влияет на семантику родовых связей, потому что нарушает эту цикличность.**

— Ну, во всяком случае, с ними что-то происходит. Как С.С. Хоружий любит выражаться, «человек тронулся». Не в смысле «крыша поехала». Здесь речь идёт о признаках какой-то, пока не очень понятной, трансформации интимного, «внутреннего» и «глубокого» в нас. Другой стороной этой трансформации является всё более заметное расщепление интимной, приватной и публичной частей нашей личной жизни, что говорит также о её ресоциализации, социальные последствия которой также пока не вполне ясны. Эволюционисты сказали бы, что эволюционные процессы перестраиваются во благо к выживанию, а клиницисты сказали бы, что нет, отсюда все сердечно-сосудистые заболевания...

— **Эта перестройка не обязательно губительна для родовых отношений? Дошедшие из доиндустриальной эпохи, они могут адаптироваться?**

— В иной постановке это вопрос: каковы же шансы на то, что род человеческий выживет?

Вообще-то, родовые отношения, память и сознание пришли не из ближайшей предшественницы индустриальной эпохи, а из куда более древних времён, предшествующих каменному веку. Индустриальной цивилизации около 500 лет, неолитической революции больше десяти тысяч... По крайней мере, по всем доступным источникам, мы в прошлом застаём символические структуры родства уже в готовом виде. Вот то, что называется «архаикой»,

что сегодня семиотики описывают в терминах мифопоэтической и ритуально-драматической модели мира. Чтобы думать о родах, о структурах родства с этим пластом гуманитарной словесности нужно быть по меньшей мере знакомым.

Да и современный мегаполис — не последняя историческая инстанция. И недаром всё-таки говорят о мире как «большой деревне». Или, к примеру, какое будущее обещает проект клонирования человека? Этакое общество, в котором уже нет ни отцов, ни матерей, ни братьев, ни сестёр, когда все — клоны одного или нескольких прототипов. Когда родовых отношений нет, а живое — есть. Но люди не рождаются друг от друга. Весь символизм культуры, так или иначе связанный с семейными отношениями, рухнет в такой системе. Выжило ли бы такое человечество? Пока ещё клоны просто не выживают. А дальше? Ну так ведь далеко не все на такое развитие согласятся, и тогда будет уже не классовая, а *гендерная* война...

И ещё меня волнует вопрос: есть ли у этничности своё собственное будущее в том мире, в котором мы хотели бы жить?

— **Но Вы определяете здесь этничность существенно иначе, чем большинство социологов.**

— Ну и Бог с ними, они ведь социологи, а этничность сама по себе не есть социальная реальность, хотя сегодня, после 200 лет «бесстыдного социологизирования», как выразился Т. Манн, мы привычно имеем дело с социализированной этничностью и, глядя на нее сквозь социологическую рамку, видим только социальные объекты. Этничность же — явь другого, личностно-родового сознания, неотрывного от нашей «первой природы».

Впрочем, у нас с тобой сейчас не тот разговор, чтобы плутать в лесу методологических вопросов.

— **Возможно ли наблюдение и описание проявлений родового как некоего факта природы?**

— Сколь угодно. Представители живого родового сознания и бытия дают нам некие свидетельства, а дальше мы их наблюдаем и описываем, разыгрываем сценически, озвучиваем музыкально,

«Каждый уже рождён»

Родовое: жизнь, голос, свидетельство

выплясываем хореографически... если это делает исследователь-гуманитарий или философ, он наблюдает всё это как факты сознания, самопонимания, сравнивает и перепроверяет их...

— **Вот что меня поражает в таком случае. Момента путешествия, вхождения в «другое», нет. Каждый находится в этом пространстве по факту рождения. И что ещё можно делать с такой причастностью к роду?**

— Надо пробовать думать, говорить и писать об этом, я бы так ответил. Мы тут имеем дело с некогнитивными, «непомышляемыми» горизонтами жизни, такими как сны, видения, голоса, ощущения и аффекты разного рода, и относимся к ним как к материалу для наблюдения и описания, не превращая их в целенаправленные, рациональные действия, сохраняя их естественность и подлинность.

Вот, к примеру, Гуссерль начинал свой путь в философии с того, что законы арифметики равно обязательны и для обезьяны, и для человека (а потом оказалось — и для вычислительных машин), а ближе к концу заговорил о «жизненных мирах».

Я думаю, тут не обошлось без вызова родового сознания, проступившего благодаря известным политическим обстоятельствам Германии 1920-1930-х годов. И считаю, что на этот вызов до сих пор не только не найдено окончательного ответа, но что ещё хуже, сам вызов этот не признан в своей исторической серьёзности. И происходит только затыкание дыр с помощью политических запретов на «разжигание ненависти».

— **Получается, что современные политические институты и механизмы управления общественной жизнью не в состоянии отвечать на вызовы родового сознания...**

— Да, покуда эти институты и механизмы не имеют сильной этнокультурной, этносоциальной, этнополитической гуманитаристики. Необходима искусная, на высшем уровне развитая гуманитарная работа. А пока социально-гуманитарная компетентность их близка к нулю. Так что чего-чего, а работы у нас невпроворот!

Отдых в Крыму. 1913 год. Фото ИТАР-ТАСС

На этом можно было бы и закончить этот наш разговор, да хочется обозначить тему для следующего.

Есть потребность в доверии. Без первичного доверия вообще социальности не существует. Кому-то в той или иной степени приходится доверяться в этом мире. Первичное доверие, именно оно и является потом залогом более-менее успешной, счастливой жизни. Знать, чтобы верить, — значит хранить верность. Это дело чести, а не вкуса.

Открытая общительность, доверительные встречи. И начать ходить в гости друг к другу, как недавно подхватил эту

тему Роман Спектор, чтобы выслушивать, смотреть, вместе есть и пить...

Искать, что и кто может свидетельствовать. А не подглядывать и не судить из-за угла!
